DOI: 10.31912/pvrli-2026.1.11

***Д. С. Крылов*[1], *А. А. Гиппиус*[2]**
Институт русского языка им. Виноградова РАН[1]
(Россия, Москва)
Институт славяноведения РАН[2]
(Россия, Москва)
krydmi@mail.ru[1], *agippius@mail.ru*[2]

«ВЫТОЛ» ИЗЛОВИЛИ: К ИСТОЛКОВАНИЮ МНИМОГО ГАПАКСА БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 600

Статья посвящена реинтерпретации двух фраз из берестяной грамоты № 600, вводивших в русскую историческую лексикографию гапакс *вытолъ* со спорной этимологией и неясной семантикой, и обоснованию новой трактовки отраженной грамотой ситуации в целом. Первую фразу, читавшуюся как *вытоло изловили*, предлагается, с допущением элементарной и часто встречающейся ошибки — пропуска слога — понимать как *вы т<ъ> ло<въ> изловили* ‘Это вы выловили!’ (букв. ‘выловили тот улов’). Вторая фраза, в которой предполагалась форма И. ед. *вытоле*, с учетом конфигурации остатков букв, прочитывается единственно возможным образом: *а вы [бол]е того изловили* ‘А вы ещё больше выловили!’ Фразы соотносятся как речи тяжущихся сторон. Иную трактовку, по сравнению с исходным чтением, получают также глагол *урекыватися* (в контексте грамоты он означает не ‘обещать’, а ‘взаимно обвинять друг друга’) и сочетание *противу молвя*, вводящее ответную реплику. В такой интерпретации грамота отражает типичное судебное разбирательство о пользовании чужими бобровыми угодьями. Предметом тяжбы стал вылов бобра местным населением, «хотынянами», две группы которых в приведенных речах перекладывают ответственность за преступление друг на друга.

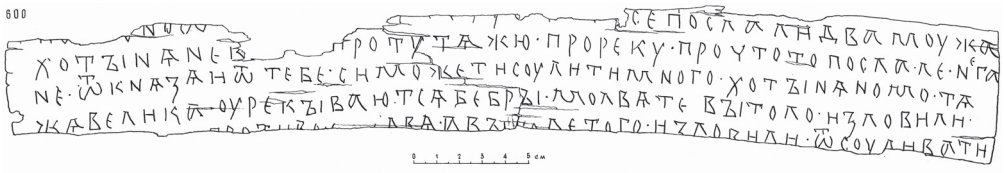
Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, гапаксы, историческая лексикография, русская этимология, прибалтийско-финская этимология.

Слово *вытолъ*, бывшее на протяжении последних сорока с лишним лет камнем преткновения для славянской и финно-угорской этимологии, известно из единственного источника — новгородской берестяной грамоты № 600. Ее текст и перевод были впервые опубликованы и прокомментированы в 1986 г. В. Л. Яниным

и А. А. Зализняком в VIII томе «Новгородских грамот на бересте» [Янин, Зализняк 1986: 60–62, 215]:

> **По(кл)оно ѿ ... Се послали два моужа хотынѧне к ... про ту тѧжю, про реку, про что то послале Негане ѿ кнѧзѧ и ѿ тебе. Симо же ти соулити много. Хотынѧномо тѧжѧ велика. Оурекываютсѧ бебры. Молвѧте: вытоло изловили... противоу (мо)лвѧ. А вытоле того изловили. ѾЭсоу[л]ивати...**
>
> ‘Поклон от ... Хотыняне послали двух человек к князю (? к тебе?) относительно тяжбы о реке, по поводу которой Неган посылал от имени князя и от тебя. Они будут давать тебе много посулов. Хотынянам тяжба трудна. Обещают бобровые шкуры. Говорят, что бродягу изловили; другие же утверждают обратное. А бродягу того изловили...’

Там же была опубликована и прорись грамоты (рис. 1):

Перевести *вытолъ* как ‘бродяга’ предложил Е. А. Хелимский, чей разбор прибалтийско-финского языкового материала берестяных грамот был включен в то же издание. Ученый связал его с рядом фонетически близких прибалтийско-финских слов типа фин. *vetelys* ‘праздношатающийся’ [Хелимский 1986: 600]. Позднее А. А. Зализняк, видимо, сознавая, что трактовка Е. А. Хелимского плохо согласуется с остальным содержанием грамоты (связать поимку бродяги с тяжбой по поводу реки действительно трудно), предположил, что *вытолъ* — «неизвестное название какого-то промыслового речного животного (ср., в частности, слова *выдра, выхухоль*)» [Зализняк 1995: 385–386]. Там же приведен новый перевод грамоты, который сейчас принят как основной на сайте gramoty.ru и в НКРЯ:

> ‘Поклон от ... [к] ... Вот хотыняне послали двух мужей к [тебе (?)] по поводу той тяжбы о реке, из-за которой Неган посылал [человека] от имени князя и от твоего. Эти [хотыняне] будут сулить тебе много: для хотынян это важная тяжба. Обещают [платить] бобрами. Говорят, что «вытол» (или: «вытола») выловили; ... говорят иначе. А «вытол» — его [действительно] выловили. Отсуливать ...’

В смысловом отношении эта версия, безусловно, выигрывает: заявляя, что «вытол» полностью выловлен, хотыняне обязуются платить бобровыми шкурами. Однако и ее невозможно признать удовлетворительной — как ввиду слабости сравнения с двумя инокоренными словами, так и из-за необходимости предполагать существование обитающего в реке пушного зверя, ценностью меха превосходящего бобра[1].

[1] Неудовлетворенность А. А. Зализняка обеими трактовками ощущается в научно-популярной лекции 2012 года «Новгородская Русь по берестяным грамотам»: «... до сих пор остается

А. Л. Шилов, не приняв версию А. А. Зализняка, стал развивать гипотезу Е. А. Хелимского, подкрепляя ее примерами заимствований из указанного последним лексического гнезда в севернорусские говоры — например, вологодск. *ватла* ‘бездельник’ [Шилов 2002: 148–149][2]. Но нельзя не сказать, что все указанные А. Л. Шиловым заимствования содержат в первом слоге *ва-* или *ве-* на месте ожидаемого *вы-*.

Й. Лааксо, не обратившая внимания на новую гипотезу А. А. Зализняка (зато проведшая тщательный разбор фонетических и морфологических изъянов версии Е. А. Хелимского), предложила считать *Вытолъ* древнеэстонским антропонимом, сопоставляя слово с именем предводителя южных эстов Wottele, зафиксированным «Ливонской хроникой» под 1217 г. [Laakso 2005: 224]. Эта версия сталкивается с грамматическими трудностями уже на русской почве[3]. Впрочем, как замечает и сама исследовательница, проблему понимания текста её гипотеза также не снимает: «Im Kontext der Birkenrindenschrift Nr. 600 bleiben die Bedeutung und Identität des Vytol unklar: Ziemlich sicher ist nur, dass mit diesem Wort ein Mann <...> bezeichnet wird, der irgendwie relevant für den im Brief erwähnten, irgendeinen Fluss (und Fisch- oder Biberfang?) betreffenden Rechtsstreit ist» [Там же: 225–226][4].

Не предложивший своей версии Я. Саарикиви был, однако, наиболее взвешен, оценив существующие теории как спекулятивные (в частности, вслед за Й. Лааксо, финский исследователь скептически отнесся к сопоставлениям Е. А. Хелимского из-за крайне редкого соответствия фин. *е* — рус. *ы*) [Saarikivi 2007: 198, 238].

В исторические словари русского языка *вытолъ* не вошелъ. Третий том «Словаря русского языка XI–XVII вв.» вышел до находки грамоты, а первая и пока единственная тетрадь «Дополнений» содержит только слова на А и Б. Не найдем мы загадочного слова и в Словаре древнерусского языка, так как редакцией словаря

неизвестным, что такое *вытол*»: https://rutube.ru/video/564032facaa67c1c1cf914e6bc821aa3/?t=396&r=plwd [Интернет-ссылка. Дата обращения 25.08.2025]. Далее там же А. А. Зализняк упоминает, что в свое время были объявлены конкурсы: «...один — кто лучше поймет, что такое *вытол,* второй конкурс — кто лучше нарисует *вытола...* Тем не менее, мы даже не знаем, *вытол* — это человек, животное или неодушевленный предмет».

[2] Аргументом в пользу отказа от версии А. А. Зализняка для А. Л. Шилова служит то, что «речь ведь идет о ком-то в единственном числе. Вряд ли поимка одной выдры или крохотной выхухоли могла заслуживать отдельного (двукратного притом) упоминания» [Там же]. Между тем А. А. Зализняк прямо пишет: «...слово *вытолъ* в этом случае должно рассматриваться как собирательное» [Зализняк 2004: 471; разрядка наша. — *Д. К., А. Г.*].

[3] В первом словоупотреблении, *вытоло,* всеми исследователями предполагается окончание В. ед. -ъ, записанное по «бытовой орфографии» как *-о*. Для аккузатива личного имени это написание было бы весьма редким и при этом самым поздним примером В. ед. на -ъ у одиночного антропонима (оба засвидетельствованных примера этого архаизма происходят из грамот первой половины XII в. — *Хотъжъръ* 900, *Славомиръ* 1050, причем первый случай может объясняться ошибочным повтором ъ из предыдущих двух слогов).

[4] В свою очередь, в новой статье А. Л. Шилов раскритиковал [Шилов 2010: 50] гипотезу Й. Лааксо так: «Текст грамоты отчётливо [как именно? — *Д. К., А. Г.*] указывает не на имя, а на социальную сущность персонажа — “бродяга”».

было принято решение не принимать во внимание лексику источников, снабженных лемматизированными указателями слов и форм [СДРЯ XI: 703]. Между тем не получивший однозначного истолкования гапакс успел попасть на страницы «Русского этимологического словаря» [Аникин 2015: 203] и в такие «параакадемические» лексикографические ресурсы, как англоязычный Викисловарь[5].

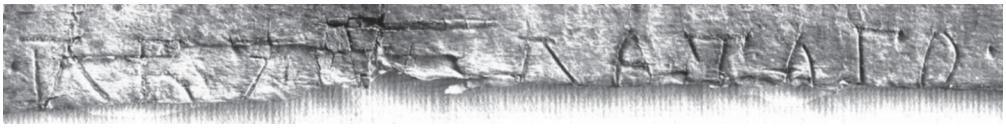
В настоящей статье мы покажем, что решить проблему «вытола» можно принципиально иным способом, а именно поставив под сомнение само существование этого слова. Как нам представляется, адекватной интерпретации соответствующих фрагментов текста до сих пор препятствовали две неверные посылки, из которых все исследователи исходили, хотя прямо их и не обсуждали. А именно, предполагалось, что:

1) одно и то же слово употреблено в грамоте дважды, в Вин. ед. в предпоследней строке и в Им. ед. в последней строке;
2) автор не допустил ни одной описки.

В двух изданиях монографии А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [Зализняк 1995: 385–386; Зализняк 2004: 471–472] текст и комментарий приводятся с некоторыми изменениями по сравнению с первой публикацией. Наиболее существенное для нас, хотя и не бросающееся в глаза отличие от первоначальной версии касается принципа передачи букв в последней строке:

-------- [противоу] (мо)лвѫ · а въı[то]лє того · изловили · ѿсоу[л]ивати

В [Янин, Зализняк 1986], как мы видели, фраза *а вытоле того изловили* передана без всяких условных обозначений, предупреждающих о сложностях с идентификацией букв. Между тем, как видно на фотографии грамоты, опубликованной на сайте gramoty.ru (рис. 2)[6], буквы между *ы* и *е* определяются неоднозначно. Прочтение их как *тол* опирается на первую из названных выше посылок — за ним стоит уверенность в том, что здесь записано то же загадочное слово, которое читается и строкой выше. Не предрешая вопроса об идентификации этих букв и словоделении, фрагмент следовало бы передать следующим образом: *а вы---етого изловили*.

[5] https://en.wiktionary.org/wiki/%D0%B2%EA%99%91%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5 [Интернет-ресурс. Дата обращения: 28.08.2025]. Иллюстрирует *вытолъ* также статью «Hapax legomenon» в англоязычной Википедии: https://en.wikipedia.org/wiki/Hapax_legomenon?ysclid=mg9r5tonmi333727556#Slavic [Интернет-ресурс. Дата обращения: 02.10.2025].

[6] https://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/600/ [Интернет-ресурс. Дата обращения: 26.08.2025].

Что же касается отрезка *вытоло* строкой выше, то, коль скоро высказанные до сих пор предположения не привели к его убедительной интерпретации, мы вправе допустить, что это место содержит какую-то ошибку. Наиболее частотный тип механической описки в берестяных грамотах — пропуск графического слога[7]. Причем, как показало еще исследование О. В. Малковой на материале Галицкого Евангелия конца XIII в., пропуски чаще затрагивают конец слова, чем его начало[8]. Если предположить, что после *ло* был пропущен один графический слог, то фразу можно попытаться иначе разделить на слова: *а вы то ло<_> изловили*. Поиск в Панхроническом корпусе НКРЯ выражения «ло* + *ловити» позволяет однозначно восстановить, какой именно слог в этом случае был пропущен[9]:

> Соколники же царевы вся сіа слышаху, и ***ловивше ловъ*** лебедей, и идоша во Орду ко царю Ногою, и звавше къ Ногою Олга, и не поиде (Никоновская летопись)
>
> ...кто претерпѣлъ не проклѧти wпечаливъшаго; видѣлъ ли еси дв҃дво тенето простерто, и ***ловъ оуловленъ*** и *ловца* стоѧща, и всѣ(х҃) *ловѧщихъ*... (Пчела)
>
> А сынове великого князя, князь Иванъ да князь Юрьи, ухоронишася в томь же манастырѣ: а они кровопийцы, якоже нѣкоторый сладкы ***ловъ уловивше***, отидоша, а о сихъ небрегоша, ниже пытаху о них (Повесть об ослеплении Василия)
>
> пріиде же и Давыдъ съ нимъ, яко нѣкаковъ ***ловъ уловивъ*** (Никоновская летопись)[10]
>
> Онъ же, сотворивъ, яко ***ловъ*** нѣ(к)ый ***уловивъ*** сладокъ, вкупѣ со убійцы воскликну... (Иван Тимофеев. Временник)
>
> Левъ ***ловїтъ ловъ***, а грѣси дѣлающїхъ неправду (Нравоученїя отъ Священнаго пїсанїя по алфавиту избраная) [НКРЯ][11]

Несомненное наличие figura etymologica *ловъ (у)ловити* в живом древнерусском языке XIII в. подтверждается, помимо чуть более поздних примеров из оригинальных текстов, также и примером из древнерусского [Пчела: 30–38] перевода «Пчелы»: в греческом оригинале последовательности *ловъ уловленъ* соответствует

---

[7] На сегодняшний день обнаружено по меньшей мере 132 пропуска графических слогов в берестяных грамотах (в том числе пропуски неприкрытых гласных и пропуски отрезков, соответствующих бывшему слогу со слабым редуцированным (типа написаний *покло* вместо *поклонъ*).

[8] В Галицком Евангелии в началах слов фиксируется три неисправленных пропуска слога, в серединах — 7, в концах — 14 [Малкова 1979: 113–114]. В Милятином Евангелии XII в. в началах фонетических слов — 5, в серединах — 12, в концах — 12 [Мольков 2014: 49–50]. В Бычковско-Синайской Псалтири конца XI в. в началах — 7, в серединах — 12, в концах — 12 [Кривко 2015: 32, 97].

[9] При словоделениях *вы толо...* или *вытоло...* приходится предполагать далее присутствие какой-то формы глагола *толочи* или производных от него слов, что не даёт в контексте грамоты никакого смысла. Прочие варианты словоделения предполагают более одной ошибки.

[10] Отметим характерное разночтение для этого места в полных списках Повести временных лет: *оуловъ оуловивъ* в Лаврентьевском списке, в остальных — *звѣрь оулови*(*лъ*).

[11] Начиная с XV в. фиксируются также выражения *ловлею ловити*, *ловлями ловити* и, наконец, *ловлю ловити* (см. НКРЯ).

разнокоренное словосочетание *τὸ θήραμα ἐναπειλημμένον* [Пчела: 380, 12; II: 165, 352]. К списку переводных примеров той же конструкции можно добавить контекст из Жития Марии Египетской по Чудовскому сборнику XIV в., л. 67а [СДРЯ, IV: 422]: *гл҃дааше на десно и на шюю* **ꙗ***ко ловець хытръ. кде* ***бы оуловилъ ловъ сладокъ*** — в оригинале выделенному сочетанию соответствует *τὸ γλυκύτατον ζωγρήσειε θήραμα* [PG, 87, III: 3724].

Но если иметь при себе прямое дополнение *ловъ* мог и бесприставочный глагол *ловити*, и его производное *уловити*, то ничто не мешает предполагать такую возможность и для других его приставочных производных, в частности для *изловити.*

Итак, вместо *вытоло* мы предлагаем читать личное местоимение 2 л. мн. ч. *вы*, указательное местоимение *тъ* В. ед. муж., записанное по представленной в нашей грамоте «бытовой орфографии» как *то*, и слово *ловъ* с пропущенным вторым слогом[12]. Предложение *а вытоло изловили,* таким образом, из неопределенно-личного превращается в определенно-личное, с эмфазой личного местоимения: *вы то ло<во> изловили* ‘Это вы выловили тех [бобров]!’ (букв. ‘тот улов’)[13]. При такой трактовке объектом ловли оказывается не «бродяга» и не неизвестный промысловый зверь, взамен которого хотыняне обещают платить бобрами, а сами бобры, которые и являются предметом тяжбы.

Высказанное предположение может быть принято только при наличии параллельного объяснения для второго контекста, в котором до сих пор предполагалась форма И. ед. загадочной лексемы. И такое решение находится. Вместо *А вытоле*, *того изловили* мы предлагаем читать *А вы* [*бол*]*е того изловили* ‘А вы еще больше выловили’, трактуя эти слова как ответную речь второй из тяжущихся сторон.

В пользу этого прочтения говорит ряд обстоятельств. Во-первых, как показало дополнительное обследование оригинала грамоты, места между *ы* и *о* недостаточно для того, чтобы вместить букву *т*[14]. Между тем *б* в грамоте имеет меньшую ширину и вполне могло здесь располагаться (от него видна и хорошо читаемая засечка).

---

[12] Предполагая описку, мы всё-таки не вполне сбрасываем со счетов и другую возможную версию: отсутствие <въ> на письме может отражать фонетическое преобразование [ow] > [o] в закрытом слоге, аналогичное установленному А. А. Зализняком переходу [ol] > [o] в этой позиции [Зализняк 2019; Сичинава 2020: 298–301]. Фонетическая, а не «эрратологическая» природа последнего стала ясна после находки грамоты № 1102, где слово *потина* записано без *л* дважды. Но единственный известный на сегодняшний день пример перехода [ow] > [o] в берестяных грамотах — написание *церековицѧха* <*чере**въ**ковичахъ*> в найденной в 2024 г. грамоте № 1198 (нач. XIV в.) — в принципе может быть и М. мн. от *церквица* с эффектом скандирования между *к* и *в* (хотя другие примеры скандирования в грамоте отсутствуют). В любом случае, предполагаемая ошибка оказывается во много раз более частотной, чем возможное фонетически мотивированное написание.

[13] Отметим использование слова *ловъ* в значении ‘улов, результат охоты и рыбалки’ в берестяных грамотах 131, 481, 1140. В первых двух из них А. А. Зализняк переводил *ловъ* как ‘лов’ [Зализняк 2004: 496, 621], в третьей — А. А. Гиппиус — как ‘охота’ [Гиппиус 2022: 14]. Уточнение (‘улов’) предложено Д. В. Сичинавой [2023: 215].

[14] Верх буквы *о* почти не виден на лицевой стороне грамоты, но, судя по следам на обороте, перед *л* может быть только *о, е* или *с*, см. рис. 3.

Во-вторых, слова *противу молвѧ* наилучшим образом интерпретируются именно как способ введения ответной реплики. В этом отношении яркую параллель содержит первая редакция Жития Михаила Клопского — новгородский памятник, известный своей близостью к разговорной речи:

> И князь, услышавъ голосъ его, да посмотрѣ въ очи и позна его. Да молви ему: «А се Михайло, Максимовъ сынъ». И онъ *противъ молви* князю: «Богъ знаетъ!» И Феодосий игуменъ ему молвит: «Чему, сынко, имени своего намъ не скажешъ?» И онъ *противъ молвит*: «Бог знаетъ!»[15]

Предлагаемая реконструкция проходит также проверку поиском по регулярным выражениям в древнерусском и старорусском подкорпусах НКРЯ. Остаткам видимых букв (если предполагать, что и ответная реплика начинается с отдельных слов *а вы*)[16] соответствует регулярное выражение «.[оъеьѣс][адлѧ][еьѣ]т[оъ]г[оъ]»[17]. Если предполагать для нее один словораздел, то не составляет труда перебрать все варианты его расположения, и только один из этих вариантов даст ненулевой результат поиска[18]. Следующий запрос (рис. 4) находит 20 примеров коллокации *боле того* в Древнерусском и 59 — в Старорусском корпусе[19]:

[15] Заметим, что на запрос «против* + молв*» Панхронический корпус никаких других примеров не выдает.

[16] Аналогичная процедура поиска затем производится без этого предположения. В этом случае на начальном этапе отделяется только союз *а*. Оказывается, что коллокаций, подходящих под регулярное выражение «вы.[оъеьѣс][адлѧ][еьѣ]т[оъ]г[оъ]» без словораздела после «вы», не находится ни одной.

[17] Точка в этом выражении соответствует любому символу. Каждая пара квадратных скобок соответствует одному из символов, перечисленных внутри неё. Например, второй символ (см. сноску 14) может быть *о*, *е* или *с*, но так как в грамоте *о* может заменять *ъ*, а *е* — *ь* или *ѣ*, то искать необходимо шаблон, учитывающий возможность появления каждого из этих символов. Конечно, следует учитывать, что при указанном условии поиска потеряются, например, такие вхождения коллокации *боле того*, которые в оригинальном тексте записаны нестандартно (например, *боли таво*).

[18] Для большего числа словоразделов при любых вариантах их расположения результат поиска также нулевой.

[19] Помимо этого, уже в текстах конца XVII — начала XVIII в. находим одну коллокацию «велѣ того» и три (все три — в «Завещании» И. Т. Посошкова) — «деле, того». Очевидно, что ни та, ни другая для заполнения лакуны не подходят.

Таким образом, *вы боле* — не только наиболее подходящая по смыслу альтернатива чтению *вытоле,* но и чисто статистически наиболее вероятная, если не сказать — единственная.

Новая трактовка двух фрагментов позволяет иначе интерпретировать и сочетание *оурекываютьсѧ бебры,* до сих пор переводившееся как ‘обещают [платить] бобрами’. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует глагол *урекати* в значении ‘обвинять’, представленном в разговорнике Т. Фенне: *Otzum ty menæ vrekaies, ty mnæ ne dall. Worumb vorwitestutt my du heffst idt my nichtt gegeuen.* [СлРЯ XI–XVII, 32: 291]. Опираясь на этот пример, *урекыватися* нужно понимать в контексте грамоты как взаимно-возвратный глагол, означающий ‘обвинять друг друга’: ‘в [ловле] бобров они обвиняют друг друга’. Заметим, что бобры выступают в этом контексте не как новое, а как данное: сочетания *ту тѧжю* и *<тъ ловъ>* отсылают к известной адресату тяжбе, предметом которой является именно ловля бобров, и к тому «поличному», с которым, вероятно, ранее застигли кого-то из хотынян.

В свете сделанных поправок общая ситуация грамоты выглядит следующей. Отправка хотынянами двух мужей в Новгород была вызвана обвинением их в незаконной ловле бобров, исходившим от князя и адресата грамоты (согласно В. Л. Янину, им мог быть посадник). Автор доводит до сведения адресата, что хотыняне, оправдываясь, возлагают ответственность за «тот улов» друг на друга, в связи с чем их посланцы (видимо, представляющие две конкурирующие группы местного населения) будут делать соответствующие посулы. Письмо заканчивалось рекомендацией, как следует реагировать на эти посулы.

В такой интерпретации грамота отражает типичный для своего времени конфликт, не осложненный никакими привходящими обстоятельствами. Промысел бобра как самого ценного речного зверя был прерогативой собственников соответствующих угодий, осуществлявшейся при помощи специально назначаемых бобровников. Предметом тяжбы стало, по-видимому, нарушение этой прерогативы со стороны местного населения[20].

Изложенную интерпретацию отражает приводимый ниже перевод:

> ‘Поклон от ... [к] ... Вот послали к тебе хотыняне двух мужей по поводу той тяжбы, о реке, насчет чего Неган посылал [человека] от имени князя и от твоего. Они будут сулить тебе многое — для хотынян это важная тяжба. В [ловле] бобров они обвиняют друг друга. Говорят: «Это вы выловили [букв.: выловили тот улов]!», (другие же) на это отвечают: «А вы больше выловили!». Отсуливать ...’

[20] Упоминание двух групп хотынян, препирающихся из-за незаконного лова, находит объяснение в предположении В. Л. Янина о вероятной локализации упоминаемой в грамоте местности: «В Новгородской земле было немало деревень с таким корнем, однако особое внимание обращает на себя деревня Хотино (на современных картах — Хотыня): это две одноименные и рядом друг с другом расположенные деревни [Разрядка наша. — *Д. К., А. Г.*] на реке Хотынке, левом притоке Мшаги, впадающей в Шелонь. Эта деревня находилась в Фроловском погосте, вся территория которого тяготела к реке Хотынке, отчего все жители указанного погоста могли называться «хотынянами» [Янин, Зализняк 1986: 62].

Источники и словари

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 9 (вра́ндовать — гало́п). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2015. 373 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. Электрон. дан. Режим доступа: http://ruscorpora.ru (свободный).

«Пчела»: Древнерусский перевод / В 2-х т. Отв. ред. А. М. Молдован. Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 882 с.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. I–XIII–. М., 1988–2023–.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32–. М., 1975–2024–.

PG — Patrologia Graeca T. 1–161. Lutetiae Parisiorum, 1857–1866.

Литература

Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 7–20.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК, 1995. 720 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: ЯСК, 2004. 867, [5] с.

Зализняк А. А. «Эффект Лукерьи»: переход ол > о в истории русского языка // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова М., 2019. С. 82–96.

Кривко Р. Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М.: Индрик, 2015. 434 с.

Малкова О. В. Ошибки писцов и лингвистическая интерпретация древних текстов // Вопросы языкознания, 1979. № 6. С. 108–120.

Мольков Г. А. Лингвистическое и палеографическое исследование древнерусской рукописи Милятино Евангелие (РНБ, F.п.I.7): дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2013. 267 с.

Сичинава Д. В. К интерпретации некоторых берестяных грамот // Труды Института русского языка. 2020. № 1 (23). С. 297–313.

Сичинава Д. В. Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот // От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 213–226.

Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.

Шилов А. Л. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2002. С. 145–157.

Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 33–54.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 309, [2] с.

Laakso J. Der gefangene Kämpfer oder ein kleiner Nachtrag in den Nowgoroder Birkenrindenschriften // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 2005, no. 65. Wiesbaden, ss. 219–225.

Saarikivi J. Finnic personal names on Novgorod birch bark documents // Slavica Helsingiensia. Helsinki: Dep. of Slavonic a. Baltic lang. a. lit.: Aleksanteri inst., 2007, pp. 196–246.

***Dmitrii S. Krylov*[1], *Alexey A. Gippius*[2]**
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences[1]
(Russia, Moscow)
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences[2]
(Russia, Moscow)
krydmi@mail.ru[1], *agippius@mail.ru*[2]

VYTOL” IZLOVILI: TOWARDS INTERPRETATION OF A PHANTOMIC HAPAX LEGOMENON IN BIRCH BARK LETTER NO. 600

The article focuses on reinterpreting two phrases from Novgorod birch bark letter No. 600. These phrases introduced the *hapax legomenon* “вытолъ” with disputed etymology and semantics into Russian historical lexicography. The study also offers a new interpretation of the overall situation reflected in the letter. The first phrase, originally read as “вытоло изловили”, is proposed to be understood, with the assumption of a common mistake — the omission of a syllable — as “вы т<ъ> ло<въ> изловили” (‘It’s you who caught that!’). The second phrase, which was supposed to have the Nom. sg. “вытоле”, can be read in only one way, given the configuration of the remaining letters: “а вы [бол]е того изловили” (‘And you caught even more!’). The phrases correlate as the speeches of litigants. The verb “урекыватися” also receives a different interpretation (in the context of the letter, it means ‘to accuse each other’ rather than ‘to promise’). The collocation “молвѧ” introduces a response. In this interpretation, the letter reflects a typical court case regarding the use of someone else’s river. The subject of the dispute was beaver trapping by the local population, the “Khotynians,” whose two groups shift responsibility for the violation to each other.

Keywords: birch bark letters, Old Russian language, hapax legomena, historical lexicography, Russian etymology, Finnic etymology

References

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'. Vol. 9 (vrándovat' — galóp)*. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS, 2015. 373 p.

Gippius A. A. *Berestyanye gramoty iz raskopok 2021 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. Voprosy yazykoznaniya*, 2022, no. 6, pp. 7–20.

Khelimskii E. A. O pribaltiisko-finskom yazykovom materiale v novgorodskikh berestyanykh gramotakh // Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestyanym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.).* Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 252–259.

Krivko R. N. *Ocherki yazyka drevnikh tserkovnoslavyanskikh rukopisei*. Moscow, Indrik Publ., 2015. 434 p.

Laakso J. Der gefangene Kämpfer oder ein kleiner Nachtrag in den Nowgoroder Birkenrindenschriften // *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, 2005, no. 65, ss. 219–225.

Malkova O. V. Oshibki pistsov i lingvisticheskaya interpretatsiya drevnikh tekstov // *Voprosy yazykoznaniya*, 1979, no. 6, pp. 108–120.

Mol'kov G. A. *Lingvisticheskoe i paleograficheskoe issledovanie drevnerusskoi rukopisi Milyatino Evangelie (RNB, F.p.I.7):* Dr. philol. sci. diss. SPb., 2013. 267 p.

National Russian Language Corpus. Available at: http://ruscorpora.ru.

Pichkhadze A. A., Makeeva I. I. *«Pchela»: Drevnerusskii perevod*. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 852 p.

Saarikivi J. Finnic personal names on Novgorod birch bark documents // *Slavica Helsingiensia*. Helsinki: Dep. of Slavonic a. Baltic lang. a. lit.: Aleksanteri inst., 2007, pp. 196–246.

Shilov A. L. Iz nablyudenii nad berestyanymi gramotami // *Finno-ugorskoe nasledie v russkom yazyke. Sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg, Ural University Press, 2002, pp. 145–157.

Shilov A. L. Etnonimy i neslavyanskie antroponimy berestyanykh gramot // *Voprosy onomastiki*, 2010, no. 1 (8), pp. 33–54.

Sichinava D. V. *K interpretatsii nekotorykh berestyanykh gramot // Trudy Instituta russkogo yazyka*, 2020, no. 1 (23), pp. 297–313.

Sichinava D. V. *Eshche neskol'ko popravok i kommentariev k chteniyam berestyanykh gramot // Ot sorochka k Olekshe. Sbornik statei k 60-letiyu A. A. Gippiusa*. Moscow, «Delo» RANKhiGS Publ., 2023, pp. 213–226.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestyanym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.).* Moscow, Nauka Publ., 1986. 309, [2] p.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1995. 720 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 867, [5] p.